

Поведение Иньин и её семьи больше всего напоминало какую-то игру. А игроком в этой игре был никто иной, как Ван Синжань, к которому они были прикованы столь пристальным вниманием.

Разве это не странно?

Раньше исследователи завершали задания в копиях путём расследования и разведки. Но после того как семейство Иньин заявилось к ним, ситуация резко изменилась, и задание в копии внезапно превратилось в игру.

— Лу Янь, это ловушка? — после серии наблюдений и проб Ван Синжань в общих чертах разобрался в поведенческой модели семьи Иньин: их волновало лишь то, чтобы игра продвигалась гладко, а всё, что выходило за её рамки, они просто игнорировали. Безумно, их явно манипулировала какая-то сила.

У Ван Синжаня были свои догадки насчет того, откуда исходит эта сила: — Мы спровоцировали массовое исчезновение тысячников, уничтожив важнейший способ, с помощью которого источник заражения извлекал положительные эмоции. Источник затаил злобу и жаждет мести. Угадав наше стремление побыстрее выбраться из копии, он специально подsunул нам семейство Иньин, надеясь заставить нас применить Ключ Содержания к не тому объекту и совершить самоубийство.

Чем больше рассуждал Ван Синжань, тем более убедительной казалась ему эта теория. Он с возрастающим подозрением глянул на семейство Иньин: — Первую мутировавшую тысячелистную траву действительно нашла Иньин, но это ещё не значит, что первый мутант появился именно в их доме. Иначе как объяснить, что широкомасштабное выращивание мутировавших тысячников и разработка Тысячи лиц — всё это не имеет к их семье ни малейшего отношения?

— Ты веришь мне? — Лу Янь обеими руками обхватил лицо Ван Синжаня, заставляя его повернуться и посмотреть прямо в глаза. Выразив свои чувства, Лу Янь больше не скрывал своей близости к Ван Синжаню. Он подался вперёд, сокращая расстояние, и легонько прижался лбом ко лбу Ван Синжаня. Их дыхание и выдыхаемый воздух переплелись воедино. — Источник заражения здесь.

Расстояние между ними было ничтожно малым, и в чистых глазах Лу Яня Ван Синжань увидел собственное отражение. Его подозрительное выражение лица постепенно сменилось решимостью: — Я... верю тебе.

Лу Янь разжал руки, повернулся к семье Иньин и произнёс: — Расскажите ещё раз в подробностях, почему эти вещи так важны для вас.

Продажа тысячелистника не сделала семью Иньин баснословно богатой, её хватило лишь на то, чтобы расплатиться с долгами и оставить немного карманных денег.

Семья Иньин вела себя крайне сговорчиво, однако их слова ничем не отличались от сказанного ранее, и сколько ни расспрашивай, никакой новой информации добыть не удавалось. Такое поведение — выдавать лишь заученные реплики — делало их ещё больше похожими на игровых NPC. За последние два дня Ван Синжаню довелось немало общаться с людьми внутри копии, и по своим реакциям те ничем не отличались от реальных живых людей. С чего бы тогда семейству Иньин деградировать? Неужели всё потому, что они долгое время находились в самом эпицентре заражения, и их окончательно переклинило?

Не добившись от семейства Иньин никакой дополнительной информации, они сменили стратегию и предприняли тотальный обыск всего дома в надежде отыскать хоть какие-то новые сведения. Ван Синжань и Лу Янь перевернули вверх дном всё жилище, но те даже не рассердились — лишь тихо и смирно сидели в гостиной, поджидая обоих.

Закончив поиски, Ван Синжань и Лу Янь вернулись в гостиную и снова уселись напротив семьи Иньин.

У Иньин было множество увлечений, и родители старались во всём потакать ей. Но её главную страсть угадать было несложно: её обои были с изображением тысячелистника, на многих нарядах красовались его узоры, а заколок, лент для волос и прочей мелочи в форме цветов насчитывалось великое множество. Даже домик хомячка Сяо Си в её комнате был выполнен в виде тысячелистника.

После всех поисков никакой новой информации раздобыть так и не удалось. Они лишь утвердились в одном: вероятность того, что семейство Иньин солгало насчёт своих самых важных вещей, была крайне мала.

Отец жил очень скромно: его одежда, обувь, мобильный телефон и прочие вещи служили ему уже не первый год, и он давным-давно не покупал себе ничего нового. Из алкоголя в доме водились лишь кулинарные приправы на кухне — со спиртным он завязал самым решительным образом.

Ван Синжань включил телефон: новость о таинственном исчезновении тысячелистника за одну ночь взбудоражила весь интернет, информация разрасталась с взрывной скоростью. Неуловимые пожиратели действовали с невероятной эффективностью: даже те немногие цветы, что жители городка Цяньдэн выращивали сами, стали жертвами их безжалостных зубов и были сожраны подчистую. В сети не удавалось отыскать ни единого уцелевшего цветка.

Мать жила куда изысканнее отца: что и говорить об одежде, обуви и чулочно-носочных изделиях — многое из этого было куплено недавно. Она также обзавелась множеством новых украшений, а рядом с ними лежали открытки с посланиями, написанными отцом. На открытках стояли даты: временной диапазон приобретения этих драгоценностей оказался весьма широким, однако степень их износа была практически одинаковой — ими почти не пользовались. На контрасте с этим обручальное кольцо матери было всё в царапинах.

Тысячелистник Иньин преспокойно стоял на журнальном столике без какой-либо защиты, и

тем не менее пожиратели его не тронули. Неужели это можно истолковать так, будто пожиратели считали тысячелистник Иньин и те цветы, что скармливали им Ван Синжань и Лу Янь, принципиально разными вещами?

К тому же, в сказках часто встречается романтический сюжет о том, как принцесса поливает чудесное растение своими слезами — а тысячелистник Иньин как раз и был выращен на её слезах.

Покаянное письмо отца, обручальное кольцо матери — какими бы важными ни были эти вещи, они не шли ни в какое сравнение с тысячникком Иньин, тот был слишком особенным.

На данный момент выводы напрашивались сами собой, однако Ван Синжань всё никак не решался озвучить ответ.

Ещё до начала обыска дома Ван Синжань и Лу Янь условились действовать порознь, не обмениваться подсказками и не мешать друг другу думать, а уже потом сопоставить результаты. Не уловив хода решения, Ван Синжань попытался тайком подглядеть, на чём именно сосредоточил своё внимание Лу Янь, но в итоге не только не подсмотрел ответ, но и был пойман Лу Янем с поличным.

Намерение Ван Синжана было слишком очевидным, и на щеках Лу Яня проступили ямочки: — Я тоже считаю, что тысячелистник Иньин — это неправильный ответ.

— Ты тоже так думаешь? — получив подтверждение своих сомнений от Лу Яня, Ван Синжань воспрял духом. — Могу я послушать, почему ты считаешь, что это не источник заражения?

Лу Янь предложил иной ход мыслей: — Тот, кто оказывает влияние на источник заражения, жаждет черпать положительные эмоции из внешних источников, именно поэтому тысячелистник и подвергся соответствующей мутации. А изготовленные из него Тысячи лиц позволяют людям испытывать самые разные положительные эмоции.

— После случившегося родители стали относиться к Иньин просто замечательно, вряд ли она считает, что обретение положительных эмоций способно разрешить их семейные трудности. Скорее, это родители, так безупречно держащиеся перед Иньин, испытывают колоссальное эмоциональное напряжение за кулисами. Отец боится, что не выдержит давления и снова превратится в монстра. Мать испытывает точно такие же опасения. У них обоих есть потребность в положительных эмоциях, и пока я не могу наверняка выбрать кого-то одного из них.

Благодаря подсказке Лу Яня в голове у Ван Синжана словно прояснилось. Вспышка озарения промелькнула в его сознании, и он тут же схватился за телефон, вбив в поиск несколько связанных с городком Цяньдэн ключевых слов. Информации вывалилось масса, и чем дальше читал Ван Синжань, тем сильнее укреплялся в мысли, что его собственная абсурдная догадка верна.

Однако опираться исключительно на сетевые данные было недостаточно — Ван Синжань хотел лично проверить свой ответ. Он достал из сумки флакон духов Тысячи лиц, к которым ещё не притрагивался с момента их получения. Этикетка на флаконе была полностью исчеркана каракулями, а бывший владелец оставил на ней отзыв: Усердная зубрежка ночи напролёт с балкой на веревочной петле и шилом в бедре не идет ни в какое сравнение по степени мучений, а пользоваться ими разрешается лишь в самый последний день перед экзаменом!

Ван Синжань брызнул по два пшика духов на каждого из трёх членов семьи Иньин, давая им хорошенько пропитаться ароматом. Подождав несколько секунд, семейство Иньин продолжало сохранять застывшие улыбки, никак не отреагировав. И правда: длительный контакт с источником заражения выработал у них иммунитет к Тысячам лиц. Проверить свою догадку на месте не представлялось возможным, и Ван Синжань сказал Лу Яню: — Я хочу ненадолго отлучиться, займет минут тридцать. Если они попытаются меня задержать, сможешь ли ты...

Не успел он договорить, как Лу Янь прикрыл рот рукой и зашелся в жутком кашле — сквозь пальцы сочилась алая кровь. Даже надетое Ван Синжанем кольцо не смогло защитить его, он вновь подвергся расплате за артефакт.

Когда Лу Янь снова извлек наружу ту самую черную ленту, что некогда повергла его в состояние мнимой смерти, Ван Синжань швырнул духи на пол и почти грубым движением выхватил ленту из его рук.

Крови изо рта Лу Яня капало всё больше, забрызгивая воротник алыми пятнами.

Ван Синжань больше не мог закрывать глаза на суровую реальность. Хоть на голове Лу Яня и не было признаков мутации, его состояние на самом деле было ужасающим — он просто из последних сил притворялся, будто всё в порядке. Если Ван Синжань сейчас снова потратит время на проверку ответа, то по возвращении рискует застать лишь труп Лу Яня.

Подхватив Лу Яня и устроив его голову у себя на плече, Ван Синжань поднял голову и бросил решительный взгляд на сидящих напротив людей: — Все самые важные вещи вашей семьи лежат сейчас на этом журнальном столике?

Семейство Иньин дружно закивало.

— Хорошо, я верю, что вы мне не лжёте. — Ван Синжань протянул руку в определенную сторону, нащупал какой-то твердый предмет и уперся взглядом в пуговку-глаз Сяо Си, зажатую между его ладонью и этим предметом.

— Содержать, содержать, содержать!

Плоскости стенок Ключа Содержания раскрылись: внутренняя сторона была белоснежной, а внешняя — угольно-чёрной. Тончайшие струйки ледяного холодка потянулись изнутри белых стенок, обвиваясь вокруг пальцев Ван Синжаня в ожидании, пока он поместит цель внутрь

ларца.

Ван Синжань разжал несколько пальцев. Точильный камень и цеплявшийся за него изо всех сил, не желая разжимать лапки Сяо Си, окончательно разделились, и с глухим стуком хомячок рухнул внутрь Ключа Содержания.

<http://bllate.org/book/22325/2338396>